

Е. А. АВХОДЕЕВА
(Волгоград)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МЕХАНИЗМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КИТАЯ

Рассмотрены способы взаимодействия и адаптации культур в условиях глобализации, а также китайская модель сохранения идентичности. Представлен взгляд на этническую самоидентификацию как на особую характеристику субъективности, состоящую в способности индивида сохранить (сознательно или неосознанно) ощущение собственной принадлежности к определенной этнической группе.



Ключевые слова: глобализация, традиционная культура, национально-культурная идентичность, механизм трансляции культурного наследия, культурный код.

В современном глобализующемся мире элементы культур находятся в сложном взаимодействии, которое внешне выглядит как сближение и унификация культур. Угроза стандартизации и унификации культур опасна для существования этносов и может считаться одним из проявлений антропологического кризиса. М. Хайслер указывает на то, что «традиционные формы этнической идентификации иссякли: в ситуации самоопределения индивид теперь все чаще опирается на внеэтнические измерения своего бытия. Люди, по существу, уже не являются “этническими”» [12, с. 46], а все больше ощущают себя «гражданами мира». На современном этапе, считает ученый, многие «исторически значимые элементы, <...> которые связывали группы, и объективные маркеры индивидов – внешность, язык, религия – являются не столь важными» [Там же]. П.А. Сорокин еще в 1917 г. писал, что «национальность, казавшаяся нам чем-то цельным, какой-то могучей силой, каким-то отчеканенным социальным слитком <...> распалась на элементы и исчезла» [7, с. 248].

Однако тот же М. Хайслер подчеркивает отличие бытования современных форм этничности и самосознания на Западе и на Востоке. Давление процесса глобализации на современный социум привело к делению культур на «доноров» и «реципиентов». Стратегия каж-

дой из культур, входящих в глобализационное пространство, напрямую зависит от ее исторически сложившейся структуры, особенностей менталитета и сложности структуры языкового строя. Некоторые стратегии представляют собой открытое противостояние культур,ходящее до фобий. Столкновение других приводит к поглощению «слабых» более «сильными» конкурентами, к процессу растворения аксиологического ядра в «чужой» культуре. По-видимому, должен возникнуть и третий сценарий адаптации, при котором заметное внешне проникновение агентов чужой культуры, делающее культуру традиционных восточных государств более адаптированной к диалогу с современными культурами, не будет означать потери или размывания ее идентичности. Именно такой сценарий, на наш взгляд, демонстрирует Китай.

Одной из ключевых проблем взаимодействия культур является проблема превращения «чужого» в «свое» незаметно для самого носителя культуры. Через усвоение продуктов массовой культуры идет неосознанный и неконтролируемый процесс подмены традиционных ценностей. И здесь возможны несколько сценариев поведения представителей воспринимавшей и отдающей культур.

Первый вариант – когда в целях лучшей адаптации носитель культуры осознанно снижает уровень враждебности и критичности восприятия элементов чужой культуры. Так, индивид часто идентифицирует себя с тем народом, среди представителей которого он испытывает больший социально-психологический комфорт или приобретает более высокий этнический статус. Другой вариант – это внешнее заимствование норм и элементов чужой культуры, напрямую не связанных с аксиологическим ядром. В таком случае они служат для поддержания особого имиджа их носителя и подчеркивают свежесть и демократичность его взглядов по сравнению с другими членами его группы. Третий вариант – самый опасный, тот, при котором чужие ценности сначала случайно, незаметно для носителя частично совпадают и как бы продолжают или усиливают привычное для него смысловое поле, но при этом переименовывают ценности и в итоге подменяют их новыми. При этом сам носитель культуры не осознает подмены и ощущает себя в поле прежних ментальных ориентаций.

Самоидентификация человека может реализовываться на различных уровнях и в различных формах [6]. Прежде всего, она базируется на осознании общности происхождения, традиций, общности ценностей, верований, ощущении исторической и межпоколенной преемственности. К феноменологическому уровню этнокультурной идентификации относятся стереотипы повседневного или ритуального поведения различных возрастных и гендерных групп, поведения в традиционных социальных ролях, эстетические паттерны и т.д.

Однако в современном мире чрезвычайно сложно определить границы названных этнических характеристик. По-видимому, наблюдается методологическая исчерпанность такого (традиционного) подхода к определению этнической самоидентификации. Оценивать этничность в раз и навсегда устоявшихся границах и терминах, по-видимому, невозможно. На современном этапе должно возникнуть новое понимание этнической самоидентификации, адекватное современной модели взаимодействия культуры.

Представляется, что наиболее адекватным в качестве исходного пункта анализа может служить взгляд на этническую самоидентификацию как на особую характеристику субъективности, состоящую в способности индивида под давлением глобализующейся и массовой культуры сохранить (сознательно или неосознанно) ощущение собственной принадлежности к определенной этнической группе, восприятие себя представителем конкретного народа [5]. Культура, способная создать условия для поддержания субъективного ощущения принадлежности (заметно или незаметно для единичного носителя культуры), будет способна выработать механизм защиты и сохранения своей уникальности.

Для того чтобы культура сохранялась и воспроизводила сама себя, необходимы, считает В.В. Красных, следующие механизмы: 1) межпоколенная трансляция культурных традиций и предпочтений; 2) социальное навязывание в качестве обязательных оценок и представлений; 3) идеологическое принуждение к принятию и соответствию моделям (в том числе и поведенческим), санкционированным обществом и рассматриваемым в качестве образцовых [4, с. 659]. Благодаря механизмам обособления, которые функционируют на подсознательном уровне, у единичного носителя культуры сохраняется способность

идентифицировать компоненты культуры по признаку «свое – чужое».

Этническая идентичность является одним из наиболее стабильных элементов, связанных с исторической памятью китайской нации, и мало зависит от изменения социальных ролей, статусов, видов деятельности, политических или иных ориентаций. Так, абсолютно все жители Китая ощущают свою общность через такое связанное с этнонимом «коллективное представление», как «мы – жители Поднебесной». В иерархии ценностей уважение к старшим и руководителям, традиция, семья и все, что с ней связано, продолжают оставаться на первом месте.

Основными маркерами этнической принадлежности обычно выступают такие наблюдаемые и объективные факторы, как язык, территория проживания, религиозная принадлежность, пища, одежда и т.д. Каждый из них выполняет свою роль в поддержании исторической памяти и сохранении этнической идентичности. В совокупности они дают уникальный слой культурных ценностей, обладающих ярко выраженной этнической принадлежностью. Идентичность константна в том смысле, что без нее невозможно сохранение этнической общности, а следовательно, и этнического сознания. Абсолютно все эти факторы в современном культурном пространстве, за исключением, пожалуй, территории, подвергаются быстрому изменению в условиях общемировых интеграционных процессов, что нередко приводит к стремительной потере культурной идентичности.

Из всех компонентов культуры именно язык обладает наиболее отчетливо выраженными этническими функциями и представляет собой один из основных элементов внешней и внутренней самоидентификации. Именно поэтому мы и выделяем китайский язык как предмет специального рассмотрения. Изучение и анализ лингвокультурных процессов дают информацию о структурных изменениях, происходящих в культуре того или иного этноса, степени его трансформации под натиском глобализации.

По нашему мнению, ситуация, когда сильному воздействию инокультурных влияний подвергается язык, представляет особую опасность для потери идентичности. Именно язык, будучи живой, постоянно видоизменяющейся структурой, зачастую становится одним из главных агентов агрессивного и незаметного проникновения чужой

культуры. Рассмотрев некоторые языковые примеры, позаимствованные нами у других авторов и взятые из собственных наблюдений, мы пришли к предположению о том, что одной из главных причин успешного сохранения и воспроизводства китайской культуры является сложная для освоения представителями других культур структура языка данного этноса.

Однако эта устойчивость является результатом не только сложности языкового строя. Одновременно нужно говорить о такой особенности китайского языка, как умение вводить в язык новые лексические единицы, не разрушая при этом целостности языка и культуры. Обычно вводимые в язык новые лексические единицы воспринимаются как «чужие» в период некоторого не очень продолжительного времени. В современной ситуации этот период становится все более кратким. Следующее поколение носителей языка уже воспринимает новое слово как вполне «свое» и также привычно начинает воспринимать ментефакты (термин В.В. Красных), связанные с этими словами. Процесс изменения, и даже разрушения, языка и культуры при этом становится практически неощутимым для рядового носителя данной культуры. Как только слово перестает восприниматься как «чужое», прекращается критическое восприятие связанного с ним предмета или явления. И в этом кроется определенная опасность. В китайском языке этот процесс выглядит несколько иначе. Заимствованные и новообразованные единицы, вошедшие в современный китайский язык, продолжают существовать несколько обособленно, поскольку они «культурно маркированы» как чужие. Такой механизм позволяет сохранять язык и вырабатывать особое отношение к этим заимствованным словам у рядовых носителей языка и культуры на подсознательном уровне.

Постоянно видоизменяясь (а именно это и требует современная культура), носитель культуры должен научиться оставаться самим собой. На глубинном уровне должно сохраняться ощущение предельно обобщенной (не значит слабой, размытой) принадлежности к своей культуре. Это ощущение присутствует во всех явлениях культуры, проходя через фильтры стереотипов массовой культуры и сохраняя связь со значимыми смыслами и значениями. Поддержание этой обобщенной идеи культурной принадлежности может идти двумя путями. Первый – стихийное погружение

индивида во всех сферах культуры и социальной жизни в ситуации, благодаря которым он осознает себя частью этой культурной жизни и полностью ассоциирует себя с ней. В этом случае этническая идентичность проявляется на групповом уровне, поскольку в каждой этнической культуре обязательно закреплены принципы обособления, благодаря которым сохраняются ее уникальность и способность к самовоспроизводству. Другой вариант поддержания обобщенной идеи культурной принадлежности – когда она становится результатом социального тренинга, или самодрессирования (термин А. Шопенгауэра), т.е. результатом специальных усилий индивида, разработанных и реализуемых им самостоятельно. Представителям такой традиционной культуры, как китайская, свойственно ярко выраженное наличие патриотических чувств. Можно ожидать, что довольно большая часть китайского населения сознательно ассоциирует себя с великой нацией, которой все человечество обязано целым рядом великих открытий и изобретений.

Известно, что ни один признак в отдельности не является этнообразующим, и в сознании индивида все они представлены неоднозначно. Для отдельного человека привилегированным может стать какой-то один этнический признак. Его выделение зависит от личной ситуации, воспитания, жизненного опыта, но при этом человек всегда испытывает влияние социальных условий, адаптируя установки группового сознания. Его поведение в этом случае становится результатом социального принуждения. Человек традиционной культуры всегда «жил как актер на сцене и подвергал свое поведение постоянному контролю, сверяя его с общепринятыми нормами и образцами, он нес на себе груз культурных обязательств, связанных с подобающей одеждой, прической, ритуализированной вежливостью» [3, с. 154]. Исследования сохранения такой ритуализированности подтверждают, что даже молодые и наиболее восприимчивые к культурным новациям граждане Китая, студенты вузов, идентифицируют себя, прежде всего, с их социальной ролью и должным поведением и не склонны считать свое Я уникальной ценностью [11, с. 145].

Представление об определенной общности и уникальности реализуется в конкретных объективированных формах: в языке, нормах поведения, ценностях, ритуалах, в произведениях народной культуры [2]. Этническое само-

сознание соотносится с представлением о характерных чертах представителей других этносов, причем, как правило, эти представления эмоционально окрашены, имеют оценочную природу. Эти чувства предполагают не только фиксацию различия, но и оценку «не-нас» по сравнению с «нами». Внешним выражением этнического самосознания выступает этноним, который свидетельствует об осознании членами данной общности своей идентичности, а часто и ярко выраженной особенности, уникальности, превосходства над другими и чужими культурами. Для восточной культуры, имеющей долгую историю, типичным является чувство собственного превосходства. Так, жители Японии называют свою страну Страной восходящего солнца, корейцы говорят о родине как о Стране утренней свежести, жители Китая известны во всем мире как жители Поднебесной, а его правители именовались сыновьями Неба.

Не менее наглядным, но еще более трудным для описания признаком национальной идентичности является национальный характер. Э. Фромм в работе «Бегство от свободы» описал его как «совокупность черт характера, которая господствует у большинства членов данной социальной группы и возникает в результате общих для них переживаний и общего образа жизни» [9, с. 230–231]. Сегодня под ним понимают некоторые общие черты психики, связанные с историческим и культурным единством этноса. Национальный характер проявляется не столько во взаимодействии отдельных индивидов, сколько в общении больших групп людей. Чтобы считаться типичными для того или иного народа, черты характера должны быть присущи значительной части его членов. Как и всё в Китае, черты национального характера складывались веками. Большую часть из них можно охарактеризовать как положительные, а к самым типичным отнести следующие: дисциплинированность, коллективизм, терпение, щедрость друг к другу, высокая самооценка, патриотизм, настойчивость и сплоченность. В своей статье «Особенности китайского национального характера» Х. Сюй отмечает, что на формирование таких черт, как коллективизм, настойчивость, сплоченность, дисциплинированность и терпение, влияли внешние факторы, определяемые природными условиями, характером быта и рабочей деятельности китайцев. Для

борьбы со стихийными бедствиями (наводнения, тайфуны, засухи) требовались совместные действия многих тысяч и даже миллионов людей [8].

Всеохватывающим элементом культурной идентичности и коррелятом ценностной системы является сложное образование, получившее название ментальности. М.А. Барг определил ментальность как «феномен культуры или механизм реализации культуры через совокупность символов, формирующихся в рамках данной культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения через знаки и символы» [1, с. 4]. В ней могут отражаться следующие представления и смыслы: место человека в структуре мироздания, отношение к материальному и идеальному, степень общественного разделения труда, способы общения с природой, оценка социальной структуры, понимание ценности свободы и индивидуальности, отношение к труду, собственности, бедности и богатству, представление о справедливости, отношение к телу и проявлениям телесности, эстетические представления и идеалы и т.д.

Китайская ментальность и практики культуры повседневности формировались под сильным влиянием конфуцианства. Традиционная китайская культура рассматривает человека не как нечто самоценное, а как узел частных обязательств и ответственностей, вытекающих из принадлежности индивида к семье и обществу. Если обратиться к традиционным представлениям о гендерных ролях, то, согласно традиционному конфуцианскому учению, главное предназначение мужчины – выдержать государственный экзамен для получения должности, а это заставляло ценить, прежде всего, умственные, а не физические способности. Такое отношение к роли и образу мужчины в китайском обществе сохраняется и в современном культурном пространстве.

Огромную роль в сохранении идентичности играют способы репрезентации тела и одежда. Каждая культура определяет круг некоторых привилегированных или социально-полезных образцов, значимых для нее, создает механизм их отбора и распространения. Такие образцы возникают как результат неотреллексированных коллективных усилий, и доля этих коллективных усилий была всегда заметна в образе отдельного индивида. Через эти образцы происходит актуализация и со-

хранение культурного кода [10, с. 131]. Ментальность китайцев ярко прослеживается в репрезентации визуального облика. В китайской одежде особое значение придавалось общепринятой, легко читаемой носителями культуры символике, которая берет свое начало в китайской философии. Знаки и символы благодаря своей информационной насыщенности способны впитать довольно большие объемы «свернутой» информации. Благодаря своей многозначности они могут приспосабливаться к изменяющемуся историко-культурному контексту. С их помощью ментальность как закодированная в символах социально значимая информация транслируется из поколения в поколение. Например, цветок лотоса и рыба – это мотив, символизирующий рождение сыновей.

Восточный взгляд на мир никогда не требовал от человека проявления индивидуальности. Именно поэтому основой традиционной китайской одежды является обобщенность образа. В китайском костюме четко прослеживается предпочтение неясных очертаний: одежда имеет собственный силуэт и не слишком явно очерчивает тело.

Сформированные под влиянием учений конфуцианства и прочных традиций восточной культуры модели поведения образуют очень устойчивые конфигурации, которые не меняются на протяжении жизни нескольких поколений. Приобщение к этим образцам гарантирует индивиду принадлежность к определенной культурной общности и обеспечивает его защищенность, а культуре в целом гарантирует сохранение национальной идентичности.

Этническая идентичность есть символическая конструкция, механизмы осуществления которой, в отличие от социальной, профессиональной и иных видов идентификации, имеют психологическую основу. Для того чтобы сохраняться, она должна постоянно поддерживать особого рода ощущение принадлежности к общности, члены которой могут различаться по самым разным параметрам, но при этом чувствовать свое единство по той только причине, что все они принадлежат к одной культуре. Если сохраняется самосознание отдельного представителя в виде фиксации своей национально-культурной принадлежности (действий, чувств, мотивов поведения, оценок и самооценок), то сохраняется и самосознание общности в целом, и наоборот.

Литература

1. Барг М. А. Эпохи и идеи: становление историзма. М. : Мысль, 1987.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
3. Дубницкий Д. Особенности мотивации в современной культуре // Символы, образы и стереотипы современной культуры : сб. науч. ст. СПб. : Эйдос, 2000. С. 152–166.
4. Красных В.В. Некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Русский язык: исторические судьбы и современность. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010.
5. Петров А.В. Перспективы развития концепции прав человека в философии и истории культуры // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7 : Философия. Социология и социальные технологии. 2008. № 2. С. 182–186.
6. Петрова И.А., Кибасова Г.П. Этническое и социальное в российской истории // Философия социальных коммуникаций. 2006. №1. С. 95–101.
7. Сорокин П.А. Проблема социального равенства // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
8. Сюй Х. Особенности китайского национального характера // Молодой ученый. 2011. №3. Т. 2. С. 190–192.
9. Фромм Э. Бегство от свободы. М. : Прогресс, 1995.
10. Черемушникова И.К. Имидж как смысловая реальность культуры. Волгоград : Изд-во ВолГМУ, 2010.
11. Шарипова Р.Х. Социальная идентификация российских и китайских студентов // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 143–146.
12. Heisler M.O. Ethnicity and Ethnis Relations in the Modern west // Conflitk and Peacemaking in Multithnic Societies Massachusetts. Toronto : Lexington Books, 1990. P. 46.

* * *

1. Barg M. A. Epohi i idei: stanovlenie istorizma. M. : Myisl, 1987.
2. Bromley Yu.V. Ocherki teorii etnosa. M., 1983.
3. Dubnitskiy D. Osobennosti motivatsii v sovremennoy kulture // Simvoliyi, obrazyi i stereotipyi sovremennoy kulturyi : sb. nauch. st. SPb. : Eydos, 2000. S. 152–166.
4. Krasnyih V.V. Nekotoryie bazovyye ponyatiya lingvokulturologiii // Russkiy yazyk: istoricheskie sudbyi i sovremennost. M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 2010.
5. Petrov A.V. Perspektivyyi razvitiya kontseptsii prav cheloveka v filosofii i istorii kulturyi // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 7 : Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnyie tehnologii. 2008. № 2. S. 182–186.

6. Petrova I.A., Kibasova G.P. Etnicheskoe i sotsialnoe v rossiyskoy istorii // *Filosofiya sotsialnykh kommunikatsiy*. 2006. № 1. S. 95–101.

7. Sorokin P.A. Problema sotsialnogo ravenstva // *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obschestvo*. M., 1992.

8. Syuy H. Osobennosti kitayskogo natsionalnogo haraktera // *Molodoy ucheniy*. 2011. № 3. T. 2. S. 190–192.

9. Fromm E. Begstvo ot svobody. M. : Progress, 1995.

10. Cheremushnikova I.K. Imidzh kak smyslovaya realnost kultury. Volgograd : Izd-vo VolGMU, 2010.

11. Sharipova R.H. Sotsialnaya identifikatsiya rossiyskikh i kitayskikh studentov // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2012. № 8. S. 143–146.

12. Heisler M.O. Ethnicity and Ethnis Relations in the Modern west // *Conflikt and Peacemaking in Multithnic Societies Massachusetts*. Toronto : Lexington Books, 1990. P. 46.

To the issue of formation of the mechanism of Chinese national and cultural identity preservation

There are considered the ways of interaction and adaptation of cultures in the conditions of globalization, as well as the Chinese model of identity preservation. There is represented the view on the ethnic self-identification as on the special characteristics of subjectivity that consists in individual's ability to preserve (deliberately or unconsciously) the feeling of belonging to a definite ethnic group.

Key words: *globalization, traditional culture, national and cultural identity, mechanism of translation of cultural heritage, culture code.*

(Статья поступила в редакцию 1.07.2014)

